

15 ФЕВ 1983

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БРАТСТВО НАРОДОВ — БРАТСТВО КУЛЬТУР

ЗЕРНО И ПЕСНЮ СОХРАНИ

Давно уже дружит с Арменией и ее поэтами Михаил Дудин. Ему принадлежат проникновенные стихотворные посвящения Армении, ее художникам и писателям, он автор статей об армянской поэзии (писал о Григоре Нарекаци, Аветике Исаакяне, Егише Чаренце...), он любовно составил сборник переводов из Исаакяна «С жаворонком на плече».

В последний свой приезд в Ереван Дудин встречался с друзьями, со студентами университета, побывал в музеях-мастерских Геворка Григорьяна, Арутюна Галенца, побывал у Исаакянов... Много работал. Просил достать стихи Амо Сагияна.

— Хочу почитать, может быть, переведу.

Когда Сагиян был прочитан и Дудин начал его переводить, я поинтересовался, не нужен ли договор.

— Буду переводить «для себя».

Дудин... Он ведь и пишет «для себя». Отсюда непринужденность и естественность его слова. Дудин живет в атмосфере поэзии и музыки стиха. Он может часами читать друзьям стихи, главным образом любимых поэтов — Тютчев, Блок, Бунин, Тихонов...

Общение с Михаилом Дудиным обогащает. Есть у него двустороннее:

**И для весеннего посева
Зерно и песню сохрани.**

Дудин, он ведь воистину хранит в себе зерно и песню. Он и переводит, чтобы сберечь слово, как зерно.

В январе 1982 года мы с Дудиным работали (не отдыхали — работали) в санатории «Горная Армения».

— Искусство ищет родства, — говорил Дудин. — Различием ищет родства. Вот ты мне прочел «Утро света, солнце справедливое...» Нерсеса Шнорали, я вспомнил «Мою молитву» Бараташвили. Поэты очень разные, но как это близко.словно бы и не было восьми веков, отделяющих век XII (Шнорали) и век XIX (Бараташвили).

Дудин после известных переводов Бориса Пастернака дерзнул и еще раз перевел лирику Николоза Бараташвили. Ему «захотелось, — как он об этом писал, — попробовать сделать свой вариант русского Бараташвили; ведь одно дело читать переводы, другое дело — переводить, как бы соучаствовать в самом процессе творчества и наблюдать, как у тебя на глазах, рождаясь, вырастает дерево стихотворения».

Дудин переводит стихи уже переведенные, очевидно, еще и потому, что хочет ввести близкие ему стихотворения иноязычных поэтов в свой творческий мир, хочет еще и таким образом выразить себя. Он перевел большой цикл стихов Аветика Исаакяна, перевел то, что уже было переведено другими русскими поэтами.

Дудин не стремился и не хотел «отменять» прежние переводы. Он хотел, чтобы мир поэзии Бараташвили и Исаакяна стал еще и миром его собственной поэзии. Он сказал своими переводами, как близки, как дороги ему стихотворения грузинского и армянского поэтов.

«Твои брови, моя любимая, Изогнуты, как меч палача» — сказано у Исаакяна. Был перевод В. Брюсова: «Твоих бровей два сумрачных луча Изогнуты, как меч у палача». У Михаила Дудина свой вариант: «Любимая, изгиб твоих бровей, Меч палача над головой моей». Ду-

дин ответствен за свой перевод, свою версию стихов армянского классика. Его версия интересна. Она правомерна. И мы ему благодарны за его переводы с армянского.

Чингиз Айтматов недавно вспоминал, как в Киеве на одном большом литературном вечере американский поэт Роберт Блай читал свои стихи. Переводчица пробовала рассказать стихи, перевести их подстрочно — ничего не получалось. И когда Михаил Дудин прочел эти стихи в своем переводе, огромный зал стал аплодировать автору оригинала. Переводчик-поэт сохранил слово, его душу.

Дудин рассказал однажды, как кто-то из его друзей привез ему из Гранады ветку татарника, сорвав ее там, где был убит Гарсиа Лорка.

— Долго эта ветка стояла у меня в вазе. Теперь рядом стоит еще одна ветка татарника, я ее сорвал у арки Чаренца, там, где в проеме открывается Арарат, свет Арарата. Лорка и Чаренц — два великих поэта...

Дудин понимает Армению, ее поэзию, чувствует поэзию Грузии, Кабардино-Балкарии, Украины, потому что он несет в своем сердце Россию, русскую поэзию. Лирика Дудина выстрадана на фронтах Великой Отечественной, в тяжелые послевоенные годы.

**А мы с тобой не на параде.
Путь человеческий непрост.**

Стихи Михаила Дудина полны тревоги за судьбы людские, за нашу землю.

**Мир бесконечен и богат,
И небо жизни звездно.
Пусть будет пахарем солдат,
Пока еще не поздно,—**

читаю я Дудина, солдата, пахаря и поэта. Мне близка боль его стихов (боль, она ведь тоже гражданственна, общественно активна), мне близки его заботы.

Дудин — поэт и переводчик — выражает себя в стихах разной тональности, пишет в разных регистрах.

Сейчас он нашел себя (частичу себя) в стихах Амо Сагияна. «Я увлекся открывшимся передо мною талантом, чем-то сродственным музыке моей души», — писал Дудин.

Увлечение привело к пересозданию пятидесяти стихотворений Сагияна на русском языке:

**Лучи лишились чувства.
В чаще
Свежо. Себя разгоряча,
Тень муравья куда-то тащит
Хвост, отлетевший от луча.**

**В тени деревьев без опоры
Скользят последние лучи.
Гора в горах рождает горы
И горы движутся в ночи.**

С переводами познакомился Амо Сагиян. «Прочел (с благодарностью) мои стихи в твоём переводе, — откликнулся он. — И сразу же скажу, что, читая твои переводы, я чувствовал оригинал. Почти всегда. Говорю «почти всегда», чтобы быть до конца искренним, чтобы благодарность к тебе тоже была искренней, настоящей».

Когда-то Борис Пастернак сказал Паоло Яшвили, грузинскому поэту, которого он переводил:

**Давайте с первых строк
Обнимемся, Паоло!**

Поэзию можно переводить только так — любя. Так переводит с армянского и других языков народов СССР Михаил Дудин.

Левон МКРТЧЯН.